

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ ҒЫЛЫМ ЖӘНЕ ЖОҒАРЫ БІЛІМ МИНИСТРЛІГІ

«Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУРАЗИЯ ҰЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ» КЕАҚ

**Студенттер мен жас ғалымдардың
«GYLYM JÁNE BILIM - 2023»
XVIII Халықаралық ғылыми конференциясының
БАЯНДАМАЛАР ЖИНАҒЫ**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
XVIII Международной научной конференции
студентов и молодых ученых
«GYLYM JÁNE BILIM - 2023»**

**PROCEEDINGS
of the XVIII International Scientific Conference
for students and young scholars
«GYLYM JÁNE BILIM - 2023»**

**2023
Астана**

УДК 001+37
ББК 72+74
G99

«GYLYM JÁNE BILIM – 2023» студенттер мен жас ғалымдардың XVIII Халықаралық ғылыми конференциясы = XVIII Международная научная конференция студентов и молодых ученых «GYLYM JÁNE BILIM – 2023» = The XVIII International Scientific Conference for students and young scholars «GYLYM JÁNE BILIM – 2023». – Астана: – 6865 б. - қазақша, орысша, ағылшынша.

ISBN 978-601-337-871-8

Жинаққа студенттердің, магистранттардың, докторанттардың және жас ғалымдардың жаратылыстану-техникалық және гуманитарлық ғылымдардың өзекті мәселелері бойынша баяндамалары енгізілген.

The proceedings are the papers of students, undergraduates, doctoral students and young researchers on topical issues of natural and technical sciences and humanities.

В сборник вошли доклады студентов, магистрантов, докторантов и молодых ученых по актуальным вопросам естественно-технических и гуманитарных наук.

УДК 001+37
ББК 72+74

ISBN 978-601-337-871-8

**©Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия
ұлттық университеті, 2023**

Цены являются важным экономическим инструментом, отражающим все процессы, происходящие в сфере производства, обмена, распределения, потребления, накопления. Они определяют валовой доход, прибыль, рентабельность и другие показатели предприятий; цены выступают рычагом экономического управления и конкурентной борьбы. В ценах переплетаются все экономические, социальные проблемы государства, отраслей, секторов предприятий, фирм и др.

Формирование у активной части населения понимания основных механизмов ценообразования, понимания того, что переход к непосредственному установлению цен государством нецелесообразен, что более приемлемым является комплексное государственное регулирование цен, обеспечивающее равноправные экономические условия функционирования всех предприятий поможет сформировать более сознательное гражданское общество.

Список использованных источников:

1. Золотогоров В.Г. Экономика. Энциклопедический словарь. 2004 г.
2. Сайт «Теория и практика ценообразования» (<http://pricinginfo.ru>).
3. Сайт «Бежевая книга Казахстана (Beige Book)» (www.beigebook.kz).
4. Статья «Предельные розничные цены на сжиженный газ в РК остаются на уровне января» Kapital.kz - 31.03.2022 г. (<https://kapital.kz/economic/104186/peredel-nyye-roznichnyye-tseny-na-szhizhenny-gaz-v-rk-ostayut-sya-na-urovne-yanvarya.html>).
5. Reuters News, 28.09.2019 г.
6. «О внесении изменений и дополнения в приказ Министра энергетики Республики Казахстан от 6 декабря 2018 года № 481 «Об утверждении Правил организации и проведения торгов сжиженным нефтяным газом через электронные торговые площадки» МЭ РК (adilet.zan.kz).
7. Андрей Чеботарев, www.kapital.kz, 2021 г.

УДК 070.195

ИНФОРМАЦИЯ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Капенев Азат Тамерланович

azatkapenov@mail.ru

Магистрант факультета журналистики и политологии

ЕНУ им. Л.Н.Гумилева,

Астана, Казахстан

Научный руководитель – А.К.Ишанова

На конференции 17 марта 1987 года в рамках Университетских вторников (Fondation Bordeaux Université) Жиль Делёз заявил: “Информация- это определенный свод предписаний. Информировать - это распространять предписания. Все предписания распространяются, чтобы им соответствовать и верить им. Или даже не верить, но вести себя так, как если бы мы верили”[1].

Делёз объясняет информацию как свод предписаний. Будет возможно точнее, если заявить, что сама по себе информация - это предписание. То есть в рамках самой сущности информации лежит как бы гипнотический подчиняющий импульс, смысл которого в самом подчинении, а уже потом в подчинении для чего-то. Цитата Делёза граничит на стыке модерна и постмодерна. Ведь эпохе модерна более присуща дисциплинарно-симуляционная роль веры в предписания информации (“я не верю им, но я делаю вид, что верю, потому что

это более безопасно и выгодно” (“ты можешь не верить партии, государственным органам, фюреру, вождю народов, президенту и так далее, но ты не должен этого показывать, а должен продолжать выполнять предписания”)).

Тогда как постмодерн более направлен не на контроль контента потоков информации, а на гипнотический эффект самого потока, созерцая который, человек уже будет совершать акт подчинения (“я не верю, что говорят в СМИ, но я их смотрю и не пропускаю новостей” (“ты можешь не верить в то, что говорят СМИ, блогеры, телеграм каналы и паблики в социальных сетях, но ты будешь их смотреть, а это и есть цель и проявления самой гипнотической сути информации”)).

Ги Дебор хорошо описывает структуру современности в своей книге “Общество спектакля”. По словам Ги Дебора: “Образы, которые отслаиваются от каждого аспекта жизни, сливаются в одном непрерывном движении, в котором единство этой жизни уже не может быть восстановлено. Реальность, рассматриваемая по частям, разворачивается в своем обобщенном единстве в качестве особого псевдомира, подлежащего только созерцанию. Специализация образов мира оказывается завершенной в ставшем автономным мире образов, где обманщик лжет себе самому. Спектакль вообще, как конкретная инверсия жизни, есть автономное движение неживого”[2. стр 27].

Гипнотический эффект информации хорошо проявляется в примерах, связанных с современными пространствами распространения информации. В социальных сетях человек как бы впадает в транс, занимаясь скроллингом ленты новостей и так далее. И в отличие от эпохи модерна аудиторию не подчиняют к созерцанию информации (“всем посетить такой-то съезд или прочесть такую-то статью!”, “всем слушать речь товарища такого-то и так далее!”). Сама аудитория рвется к этому фасцинирующему процессу. Это рвение усиливается в том числе из-за того, что в отличие от эпохи модерна, где монополией на распространение информации обладали акторы власти, в эпоху постмодерна распространять информацию может каждый.

Власть не в распространении информации, а контроле пространств распространения. Все могут создавать свои паблики, каналы, аккаунты в социальных сетях. Власть не монополизирует уже это, но оставляет в своих руках механизм контроля самих этих пространств, где проходит экзистенция распространителей контента. И даже контроль и санкции неугодных власти в рамках этих пространств зачастую могут осуществляться самой аудиторией, манипулируя которой, можно добиться активации ее санкционирующего, карательного потенциала (Cancel culture).

Подчиняющая сущность информации не была столь заметна в прошлом, но сейчас это определение сущности информации выглядит довольно правдоподобно. И это не потому, что эта сущность раньше не проявлялась. Возможно, ее было сложнее заметить просто из-за авторитетных (на то время) наростов человеческого эго к данной стихии.

Множащаяся гиперреальность мира и деиерархические пространства распространения информации, видимо, облегчили возможность созерцать сущностную структуру метафизики информации. Эрозия смыслов в ускоряющихся и звучащих полифонически медиа потоках помогла увидеть душу самой информации. Ее сущность проскальзывает и угадывается в быстро меняющемся движении информации. Как говорил Жан Бодрийяр в своей книге “Симулякры и симуляции”: “Мы находимся в мире, в котором становится все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла”[3. стр 109]. В какой-то момент кто-то из аудитории понимает, что, возможно, сам информационный шум и есть конечный смысл всего этого.

Информацию люди могут воспринимать как силу подавляющую, так и освобождающую. Информация от властвующих структур и информация структур, которые противостоят доминирующим силам, например. Но сама информация как вещь в себе, сама ее сущность, всегда подчиняющая. Подчиняющая не кому-либо, а в первую очередь самой себе, то есть самой энергии информации.

Задачи информации остаются неизменными. Задачи информации - через извещение - подчинять. Аудитория, получившая новость и отреагировавшая на нее, несет в себе импульс того смысла, который информация им передала. Информация зачастую и не скрывает этот посыл, если судить по антуражу, окружающему информацию (тревожная, динамичная, властная музыка и видеоряд перед выпусками новостей, решительные черты лиц дикторов или же их решительные и динамичные тембры голосов). Но даже если и скрывает, мимикрируя под информацию не от господ, а для господ, как это делают, например, СМИ, оппонировавшие власти и несущие информацию, “спасающую от оков” и “снимающую вуаль неведения”, она все равно в своем корне несет мотивацию подчинения того, кто ее услышит или увидит. Это и есть ее функция. Фасцинируя перед аудиторией, она стремится превратить аудиторию в своих адептов, носителей.

Синтез информации и власти является контролем и подчинением вдвойне. Структура информационных пространств и потоков изменяет свои внешние личины и формы вместе с изменениями социальных структур.

Информация, распространяющаяся гонцами и глашатаями, пытающаяся проникнуть как можно дальше и шире. Предписания и указы с элементами наглядной угрозы в виде казней на площадях, чтобы ясно показывать, что происходит с теми, кто не выполняет предписания и указы королей или других акторов власти в прошлое время. На этом концентрируется Мишель Фуко в своей работе “Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы”. Попытки и казни именно поэтому были такие затяжные и жестокие, чтобы люди, наблюдавшие их на площадях, более успешно и четко выстраивали у себя образ того, что с ними может случиться, если они не будут внемлить информации от адептов власти и выполнять декларируемые правила.

Такие казни были результатом слабого контроля у власти. Они не могли перманентно следить и наказывать всех людей, живущих на их землях, из-за удаленности и не настолько развитой технической оснащенности систем контроля. То есть лимитированная способность власти с помощью информации охватывать пространства способствовали жестоким акциям, которые случались пусть и не систематически, но имели символический шокирующий посыл, который эффективно влиял на степень подчинения людей. И в то же время редкость этих информационных ударов и кружение вокруг воли актора власти не давали увидеть в информации ничего, кроме средства. В информации люди видели не информацию саму по себе, а мощь власти (снисходительную, яростную, жестокую, карающую, добродетельную и так далее).

На смену этим временам приходят так называемые дисциплинарные общества. “Фуко помещает происхождение дисциплинарных обществ в восемнадцатое и девятнадцатое столетия. Они достигли своего расцвета в двадцатом...Фуко прекрасно проанализировал идеальный проект этих «пространств заключения», особенно различимый на заводах; его задача – концентрировать, расставлять в пространстве, упорядочивать во времени, располагать производительную силу в пространственно-временном континууме таким образом, чтобы полученный эффект превышал суммированный результат всех компонентов, взятых по отдельности”[4].

Данные общества не только пытаются распространением символов власти подчинять людей, но еще и создают сами дисциплинарные пространства, способные эффективнее контролировать потоки информации и людей в рамках своей структуры (школы, больницы, казармы, тюрьмы и так далее).

То есть, если раньше территории контролировались инъекцией шокирующей информации в виде казней и пыток, чтобы потом этот образ насилия люди носили в своих головах, даже если нет рядом акторов власти (или религиозной догматикой (всевидящий Бог)), то дисциплинарные общества придумывают и создают пространства, где способность наблюдения и корректировки гораздо более облегчена. Эти пространства зачастую закрыты и имеют свои правила. Они регламентированы. Потоки информации там курсируют гораздо эффективнее. Также, как проектируя концертный, зал рассчитывают акустический

потенциал, так и проектируя дисциплинарные зоны, рассчитывают эффективность проникновения нужных информационных потоков в сознание людей и, конечно, неспособность проникновения ненужных потоков информации.

Жиль Делёз указывает, что и сам Фуко признавал временный характер такого рода обществ. Он ожидал, что на смену им придут еще более эффективные виды контроля. Жиль Делёз в своем эссе “POST SCRIPTUM к обществам контроля” объясняет эту новую формацию. Если дисциплинарные общества создавали закрытые системы и прогоняли массы через эти дисциплинарные отсеки длиною в жизнь, то общества контроля перестают стараться жестко регулировать экзистенциальный путь человека, тем самым мимикрируя под общества с дефицитом контроля или, вернее сказать, под общества с главенствующей идеей свободы от контроля, но на самом деле просто заполняя контролем каждую частицу человеческого бытия.

Если в дисциплинарных обществах для сбора информации и надзора над индивидом ему надо было приходиться в определенные социальные зоны (в определенные часы и места), то сейчас социальные зоны сами следуют за индивидом, заполняя все аспекты его жизни (траты отражающиеся в банковских историях, маршруты движения, отражающиеся через маршруты такси и автобусов, пристрастия и интересы, отражающиеся в историях покупок, подписки на паблики в социальных сетях и так далее). Никто не спрашивает твои политические взгляды на допросе (дисциплинарные общества) или твои религиозные во времена инквизиции (преддисциплинарные общества). Теперь же монополия контроля не имеет в этом нужды, потому что человек так или иначе сам это заявит в зонах бытия, куда имеют доступ и контролирующие акторы. Это наглядно описывает цитата Ги Дебора: “...если спектакль, взятый в ограниченном аспекте «средств массовой коммуникации», самом подавляющем из его поверхностных проявлений, может казаться заполняющим общество как простой инструментарий, то факт этого не есть нечто нейтральное: этот инструментарий свойственен его тотальному саморазвитию. Если в эпоху, когда развиваются подобные технические средства, общественные потребности могут удовлетворяться только лишь через их опосредование, если административное управление этим обществом и любые сношения между людьми могут осуществляться теперь только через посредничество этой власти мгновенного сообщения, то это только потому, что это “сообщение”, в сущности, является однонаправленным, так что его концентрация ведет к накапливанию в руках администрации существующей системы средств, которые и позволяют ей продолжать это, уже предопределенное, администрирование...”[5. стр 35].

Чем больше вырастает ощущение свободы в обществах контроля, тем выше уровень неидентифицируемого контроля и его проникновения в жизни людей.

Еще один аспект – это создание такого рода паттернов поведения, которые сами мотивируют людей на распространение информации о себе (нарратив социальных сетей). Социальные сети построены по типу псевдоризоматической структуры. Без видимых иерархий, контроля и предписаний. Они не созданы с целью только информирования или воспитания. Индивид сам выбирает, что там делать, но уже само нахождение его в этих зонах и является целью обществ контроля. Самое главное, чтобы индивид там оказался, а все остальное не важно. Потому что задача не загнать его, чтобы подчинить, наказать, обучить, завербовать, как это было бы в дисциплинарных обществах (общества модерна), а чтобы он вклинился в этот поток символического обмена, распространения личных данных и энергий экзистенции, которые впоследствии и становятся ценностью для этих зон контроля (общества постмодерна).

Социальная псевдоризоматическая сеть дает пространство псевдосвободы для индивидов, которое оказывается лишь новым витком порабощения (таргетированная информация, нативная информация, вирусная информация, скрытая пропаганда, сбор данных и так далее). Только в отличие от дисциплинарного общества, где человек знал, что ему что-то навязывают или пытаются подчинить акторы власти, то в обществах контроля навязывание и подчинение происходит в атмосфере кажущейся свободы и в пространствах,

кажущихся не дисциплинарными и иерархическими, а либеральными и защищенными от каких-либо видов иерархий эпохи модерна. Фиктивные свободные пространства “Общества спектакля”, о которых писал Ги Дебор, паразитируют на активности людей в рамках этих “свободных” обществ контроля, создавая такие условия, где активность в рамках таких обществ является просто иллюзией активности. “Театрализованные представления” вгоняют индивидов в экзистенциальный анабиоз, в котором они пребывают до самой смерти. А роль информации в этом “театре” бесконечно и гипнотизировать, и подталкивать индивидов верить, подыгрывать этому “Обществу спектакля”.

Из этой линии развития социальных пространств мы замечаем, как изменялись эти пространства ради все более улучшенного вида контроля, который реализуется в том числе через информацию. И как данные постмодернистские пространства движения информации помогли увидеть ее сущностную структуру.

Контроль и власть укрепляются вдвойне, чем более социальные пространства адаптированы для информационных потоков, необходимых для укрепления данного контроля. Но если диалектический закон единства и борьбы противоположностей верен, то усиление и усложнение контролирующих систем будет усиливать и усложнять силы, противодействующие им в своем стремлении к свободе. И высокую роль информации и информационных пространств в этой борьбе, конечно же, сложно переоценить.

Список литературы:

1. Жиль Делёз. «Искусство и контролируемое общество»
2. Общество спектакля / Ги Дебор; [перевод с французского С. Офертаса]. - Москва: Издательство АСТ, 2022. - 256с. - (Философия - Neoclassic).
3. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. - М.: Издательский дом “ПОСТУМ”, 2016. - 240 с. - (Технология свободы).
4. Статья впервые опубликована в журнале «L'autre journal». № 1. Май 1990 г. Ссылка на русскоязычный перевод статьи <https://syg.ma/@klimov/zhil-dieliez-obshchiestvo-kontrolia>
5. Общество спектакля / Ги Дебор; [перевод с французского С. Офертаса]. - Москва: Издательство АСТ, 2022. - 256с. - (Философия - Neoclassic).

УДК 070.1

ТЕОРИЯ МИРНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Караванова Анна Алексеевна

anetta98@mail.ru

Магистрант 1 курса факультета журналистики и политологии

ЕНУ имени Л.Н.Гумилева, Астана, Казахстан

Научный руководитель – А.К.Ишанова

На сегодняшний день в мире много конфликтов с неизменным конфликтным статусом (своего рода «вулканы»): война в Сирии, напряженность в Восточно-Китайском море, политическая нестабильность в Иране, активность исламистских группировок в Пакистане, нестабильность в Египте, конфликт между Турцией и вооруженными курдскими группировками, рост преступного насилия в Мексике, израильско-палестинский конфликт, экстремистская активность «Боко Харам» в Нигерии, гражданская война в Ливии, конфликт в Нагорном Карабахе, насилие в Центрально-Африканской республике, гражданская война в Южном Судане, активность исламистов «Аш-Шабаб» в Сомали, конфронтация между США и Ираном.¹ Почему мы говорим конфликтах? **Теория мирной журналистики** берет свое начало в конфликтологии.